

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина»
(Мининский университет)

**НИЖЕГОРОДСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ:
художественное постижение национальной ментальности**

Коллективная монография

*Посвящается 110-летнему юбилею Мининского университета
и 800-летию города Нижнего Новгорода*

Нижний Новгород

2021

УДК 821.161.1(063)
ББК 83.3(2)я431
Н 60

Редакционная коллегия:

Захарова В.Т. (отв. ред.), доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии НГПУ имени Козьмы Минина;
Дзюба Е.М., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии НГПУ имени Козьмы Минина;
Ильченко Н.М., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии НГПУ имени Козьмы Минина;
Латухина А.Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии НГПУ имени Козьмы Минина;
Маринина Ю.А., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной филологии НГПУ имени Козьмы Минина;
Мяновска И., доктор филологических наук, титулярный профессор Университета имени Казимира Великого (г. Быдгощ, Польша);
Оляндэр Л.К., доктор филологических наук, профессор Волынского национального университета имени Леси Украинки, (Луцк, Украина);
Сидор М., доктор филологических наук, профессор Люблинского Католического университета Иоанна Павла II (Люблин, Польша).

Рецензенты:

Елена Геннадьевна Чернышева, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, заведующий кафедрой русской классической литературы МПГУ (Москва);
Иван Андреевич Есаулов, доктор филологических наук, профессор Литературного института имени М. Горького (Москва).

Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности: коллективная монография / отв. ред. В.Т. Захарова. Н. Новгород: Мининский университет, 2021. 406 с.
ISBN 978-5-85219-779-5

В коллективную монографию включены материалы VIII Международной научной конференции «Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности», куда вошли статьи ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Орла, Обнинска, Саранска, Арзамаса, Саратова, Самары, Ставрополя, других городов России, а также Польши (Быдгощ, Люблин), Чехии (Брно), Украины (Луцк), Китая. Привлечены работы учителей, научных работников музеев, аспирантов, магистрантов, студентов.

Культурный феномен Нижегородского текста русской словесности рассмотрен прежде всего в аспектах многогранного художественного постижения национальной ментальности как системы, которая находится в активном взаимодействии с общенациональным культурным кодом и является открытой для прочтения на различных временных уровнях восприятия. Благодаря выявлению устойчивых формул и кодов семиотически насыщенного художественного пространства формируется представление о роли и значении Нижнего Новгорода и шире – Нижегородской земли в развитии отечественного литературного процесса (с древнейших времен и до его современного состояния), а также в формировании аксиологических векторов русской литературы в целом.

Коллективная монография адресована работникам вузов, учителям-словесникам, студентам и всем интересующимся проблемами национального художественного наследия.

«МЫ ЖИВЫ, РАБОТАЕМ, ЛЮБИМ РОДИНУ». ПОЛЕМИКА О ПУТЯХ СОВЕТСКОЙ И ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТРАНИЦАХ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Б. ЗАЙЦЕВА

©2021 г.

А.М. Любомудров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Alex3779@yandex.ru

Аннотация. Настоящая работа касается полемики о путях развития русской литературы XX века в советской России и в эмиграции. Определена позиция Бориса Зайцева в этой полемике, наиболее полно проявившаяся на страницах «Дневника писателя». Зайцев выступал как оппонент Марка Слонома, полагавшего, что литература русской диаспоры несостоятельна и близка к исчезновению. Сделан вывод о том, что определяющими критериями Зайцева для оценок двух литератур были наличие духовной составляющей, христианской по своим истокам, и свобода для творчества, не ограничиваемая государственной идеологией. Основываясь на этих критериях, Зайцев доказывал жизнеспособность и плодотворность литературы эмиграции, выросшей на почве христианской культуры, в отличие от современной советской, отрицавшей Бога.

Ключевые слова: Борис Зайцев, русское зарубежье, русская литература, свобода творчества.

Полемика, временами очень острая, по поводу литературы советской и эмигрантской велась в среде русского зарубежья не одно десятилетие. Тема эта освещена во многих работах, например, весьма обстоятельно – в статье О.А. Коростелева «Пафос свободы. Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920–1980)» [1], предваряющей двухтомную антологию «Критика русского зарубежья». В антологии представлены работы тридцати пяти деятелей русской литературной эмиграции, но, к сожалению, нет Б.К. Зайцева, не раз писавшего на эту тему, в том числе и в своем «Дневнике писателя».

«Дневник писателя» – цикл эссе, заметок, очерков, литературно-критических статей – создавался в 1929–1932 гг. В нем содержатся оценки книг, затрагиваются вопросы истории литературы, взаимовлияния национальных культур, отражается современный писателю литературный процесс. Дневник активно участвовал в культурно-общественной атмосфере русской диаспоры и в известной степени формировал ее. На публикации Зайцева откликнулись писатели и критики, завязывалась полемика.

Первым обращением Зайцева к теме «двух литератур» можно считать статью «Дневника писателя» «Леонов и Городецкая» [2]. Полемический посыл ощутим уже в заглавии: Зайцев намеренно сопоставляет имена Леонова, писателя крупного и получившего к тому времени европейскую известность, и начинающей беллетристки. И сравнение их книг – не в пользу Леонова. По мысли Зайцева, ознаменовавший начало своего писательского пути яркими талантливыми книгами (такими, как «Петушихинский пролом»), Леонов в последовавших «Барсуках», «Соти» опустился до выполнения социального заказа. Критику больно видеть, «как за десять лет сумели *обработать* и сломить человека даровитого, настоящего, может быть, даже крупного писателя. “Соть” есть открытый, совсем ничем не вуалированный “социальный заказ”». Возмущение вызывают страницы «Соти», посвященные описанию

скита: «Леонов грубо и бездарно издевается над русским иночеством...» [2] (имеется в виду глава «Скит» – своего рода карикатура на скитян из «Братьев Карамазовых»).

Кто же выбран в заочные оппоненты Леонову? Надежда Даниловна Городецкая покинула Россию в 1919 г. Жила в Югославии, переехала в 1924 г. во Францию, где занялась литературной и журналистской работой. Два ее романа, вышедших в Париже, – «Несквозная нить» (1924) и «Мара» (1931) вскоре были переведены и изданы на французском. Городецкая, таким образом, не была совсем уж безвестной фигурой. Напротив, она – активный участник литературной и философской жизни Парижа конца 1920-х – начала 1930-х гг. Городецкая стала одним из организаторов и участником Франко-русских собеседований, которые посещал и Борис Зайцев. Молодая писательница была также участником литературного объединения «Кочевье», семинара Бердяева «Христианство и творчество». За полгода до появления упомянутой статьи Борис Зайцев дал Городецкой интервью [3].

Зайцеву Городецкая близка как писательница-христианка. В отличие от «опустившегося до выполнения заказа» Леонова у Городецкой «есть преимущество писать “о чем вздумается”». Разбирая второй, только что вышедший роман Городецкой «Мара», находя его лучше, крепче первого («Несквозная нить»), отмечая в нем удачи и слабые стороны, Зайцев выражает надежду на дальнейший рост: «Писательница работает, учится, живет (и, видимо, не зря) в европейской столице, центре мировой литературы. Это помогает ей выходить на “столичную” дорогу, обрабатывать и закалять свое изящное дарование» [2].

В конце статьи Зайцев примирительно признавался: «... Леонову зла не желаю. Напротив – добра. Но для пути добра должен он устыдиться “Соти”. А там видно будет. Он еще молодой и талантливый человек» [2].

В критике зарубежья Зайцева обвинили в предвзятости. За Леонова вступился, например, Г. Адамович в «Иллюстрированной России»: «Отнесем же к исключениям то, что недавно написал Зайцев о самом даровитом из молодых русских романистов – Леонове. Эта статья должна была бы огорчить и тех, кому дорога литература, и тех, кто любит Зайцева. <...> Зайцев признается, что не мог “Вора” дочесть до конца: “длинно, фальшиво, лубочно”... Очень жаль. Если бы потрудились, дочел, может быть, и статья его в “Возрождении” была бы другой» [4, с. 18].

Зайцев, в свою очередь, откликнулся на эту заметку в ближайшем выпуске своего «Дневника писателя», посчитав, что Адамович исказил его слова, передернул факты: «Адамович считает, что я к Леонову несправедлив. Это дело взгляда. Но нельзя приписывать мне то, чего я не говорил. Я называю Леонова “талантливым человеком”, “даровитым, может быть, даже крупным писателем”. “Бездарный” нигде у меня не сказано. Слова “гадостный” вовсе нет. Но и даровитый может портить свое дарование. И он, для галерки, может “грубо и бездарно издеваться над русским иночеством”. Это издевательство над преследуемыми, есть, по-моему, *гадость*, а страницы “Соти”, где оно производится, я называю *гнуемыми* – и всегда назову» [5].

Статья Зайцева вызвала также иронию известного критика М.Л. Слонима: «Средний читатель... искренно верил, что в эмиграции существует настоящая большая литература, имеющая крупное значение для России, и не видел ничего смешного в сравнении Н. Городецкой с Л. Леоновым (фельетон Б. Зайцева в “Возрождении”» [6, с. 616–617]. Вольное или невольное уничтожение Городецкой, возникающее в таком контексте, Слоним позволил себе несмотря на то, что Городецкая была активной участницей созданного им литобъединения «Кочевье» (1928–1939). Критик не жаловал молодую писательницу и в других своих работах. В частности, двумя годами ранее в статье «Молодые писатели за рубежом» Слоним писал, что ее роман «Несквозная нить» «производит впечатление какого-то блеклого, вылинявшего узора: нет ни размаха, ни яркости, все очень прилично, но серо и неподвижно...» [9, с. 114–115].

Спор о двух ветвях русской литературы – эмигрантской и советской – породил целый спектр мнений. Так, Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ходасевич полагали, что именно эмиграция наследует ценности и развивает традиции великой русской литературы. Слоним, Святополк-Мирский, Осоргин, наоборот, полагали, что эмигрантская литература не создала художественно значимых ценностей и заканчивает свое существование. О ее судьбе писали Адамович, Набоков, Амфитеатров, Ремизов и другие [см.: 1].

Кульминацией литературно-критических выступлений на эту тему Марка Слонима (автора доклада «Конец эмигрантской литературы», сделанного им на заседании группы «Кочевье» 8 ноября 1931 г.) явилась статья «Заметки об эмигрантской литературе» [6]. По сути дела, статья являлась приговором всей эмиграции. Критик задается целью разоблачить миф «о величии и спасительном значении эмигрантской литературы» [6, с. 616].

Оценки Слонима были безжалостными: «Большинство эмигрантских писателей *духовно* оторвано от России, чуждо ее жизни, отрезано от ее истоков, утратило *чувство* русской жизни. А это – смерть для русского писателя...» [6, с. 621]; «...эмигрантская литература умирает не только потому, что она... неестественная, оторванная, обособленная, но и потому, что она безыдейная и скудная» [6, с. 619]; «За тринадцать лет эмигрантского блуждания мы не создали ни одного литературного направления, ни одной крупной художественной ценности и не выдвинули ни одной живой идеи» [6, с. 619]. Среди писателей старшего поколения господствуют настроения обреченности и гибели, к тому же их писания отличает «глубокий провинциализм».

Говоря о неспособности к обновлению, невозможности создать новую художественную школу, Слоним называл фамилии самых видных писателей эмиграции первой волны: Бунин, Гиппиус, Шмелев, Куприн, Бальмонт, Мережковский, Алданов, Зуров, Рошин, Лукаш. Слоним делится горькими наблюдениями и по поводу литературной молодежи, которая «принуждена воспитываться в этой атмосфере доживания, чванства» и навеки отравлена «эмигрантщиной – этим соединением литературного шаблона с непомерным самомнением и ограниченностью» [6, с. 624]. Часть молодого поколения писателей, обратившись к Западу, стали «русскими европейцами», они чужды

и «отцам», и советской литературе. Прогноз критика неутешителен: «Вымирание “стариков” и постепенная денационализация молодежи – вот, собственно, то, что ожидает в ближайшем будущем эмигрантскую литературу» [6, с. 626].

Статья вызвала отклики, как полемические, так и сочувственные. Например, В.Ф. Ходасевич полагал: «М.Л. Слоним говорит, что литература эмиграции лишена новых идей потому, что она эмигрантская. Нет, она лишена именно потому, что не сумела стать подлинно эмигрантской, не открыла в себе тот пафос, который один мог придать ей новые чувства, новые идеи, а с тем вместе и новые литературные формы» [8].

Зайцев одним из первых откликнулся на статью Слонима в своем дневнике («Дела литературные», [9]). Писателя, конечно, не могла не задеть ирония критика по поводу его собственной заметки «Леонов и Городецкая». Но это частность; разговор шел о принципиальных вещах. Главная тема выступления Зайцева – особенности и пути развития двух ветвей современной русской литературы – в СССР и в эмиграции. Констатировав «предельное недоброжелательство» и демагогичность тезисов критика («Слоним не любит, просто терпеть не может нас – это его право, и не приходится нам взывать о любви. Одни нас любят, а другие ненавидят. Это естественно» [9]), Зайцев переходит к полемике. Самый острый пункт – вопрос о христианских корнях русской культуры: «Литература эмиграции выросла на почве христианской культуры. Для нее слова: Бог, человек, душа, бессмертие – что-то значат. Для нее слова: природа, красота, любовь – тоже есть нечто», в то время как литература в советской России «воспитывается на духе антихристианском, т.е. на отрицании Бога, свободного человека, свободной души и вечной жизни» [9] – а лишь духовное может животворить искусство. Вот почему там нет художественных характеров, духовности, жизни.

Зайцев, впрочем, признает трудность и даже трагизм положения литературы эмиграции: «Эмигрантская литература не сдалась, но ушла вглубь, в какие-то окопы, в хорошо укрепленные позиции. Там, в суровых условиях, она и живет. <...> ...*В подземельях* пишутся (немолодыми, в большинстве, людьми) романы, повести, стихи, философские произведения, биографии, истории русской духовной культуры и жизни» [9]. Но горячо защищает от упреков в самодовольстве: «Гордиться и возноситься нам незачем, и себя преувеличивать не приходится. Но что поделывать, если мы живы, работаем, пишем, читаем, любим родину» [9]. И далее: «Мы ответим за нашу жизнь перед Богом, а не перед Слонимом. Он-то искренно, от всей души хотел бы, чтобы обратились мы в прах, но приходится его огорчить: пока что не обращаемся» [9].

Что касается молодой литературы эмиграции, то Зайцева беспокоит ее судьба. Здесь он склонен согласиться с рассуждениями Слонима об отсутствии родной языковой стихии как причине «европеизации» творчества молодых: «Нет вокруг и говора России. То, что западные писатели оказывают на русскую молодежь влияние, – не случайно. Дело не в одном новом жизнеощущении (Пруста или Джойса). Дело в некотором отходе от стихии русской речи –

отходе естественном и неосудимом. Нельзя выпитывать то, чего вокруг нет. Выпитывается иноземное» [9]. Как видим, возможность национального и культурного растворения в европейском мире стала волновать представителей русского зарубежья уже через десять лет после эмиграции.

Статья «Дела литературные» написана в канун нового 1932 г. – и завершающее ее новогоднее напутствие Зайцева русским литераторам звучит благородно, взволнованно, искренне: он желает «спокойной, скромной, но и с достоинством силы – старым, и средним, и совсем юным. <...> Веры в свое дело, высокого одушевления. Пусть недоброжелатели осуждают. Благожелатели желают жизни и в нее верят» [9].

В последующие сорок лет своего жизненного пути Зайцев не раз обращал внимание на литературный процесс в советской России. Известны его благожелательные отзывы о К. Паустовском и Ю. Казакове (с этими писателями он встречался в Париже), он вел переписку с Б. Пастернаком, А. Ахматовой, А. Солженицыным. И неизменным оставалось его убеждение в принципиальном различии положения советских и зарубежных литераторов. Обращаясь к Съезду советских писателей в 1955 году, Борис Константинович призывал: «У вас – родина, наш народ, молодость, сила. Этого у нас нет. Но у нас есть свобода. Мы пишем, о чем хотим. У нас тесная жизнь, но широкая воля. У вас достаток или даже богатство, но неволя. Желая вам, чтобы на съезде сделан был хоть первый шаг к этой воле – без нее в нашем деле нельзя. Дай Бог, чтобы те из вас, кому дан талант, могли стойко и без принуждения выращивать его» [10].

Список литературы:

1. Коростелев О.А. Пафос свободы. Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920–1970) // Критика русского зарубежья. Ч. 1. М., 2002. С. 3–35.
2. Зайцев Б.К. Дневник писателя. Леонов и Городецкая // Возрождение. Париж. 1931. 29 июня. № 2248.
3. Городецкая Н.Д. У Б.К. Зайцева // Возрождение. Париж. 1931. 13 янв., № 2051.
4. Адамович Г.В. Борис Зайцев и Леонид Леонов // Иллюстрированная Россия. Париж. 1931. 15 авг. № 34. С. 18.
5. Зайцев Б.К. Дневник писателя. Война // Возрождение. Париж. 1931. 29 авг. № 2279.
6. Слоним М.Л. Заметки об эмигрантской литературе // Воля России. Прага. 1931. № 7–9. С. 616–627.
7. Слоним М.Л. Литературный дневник. Молодые писатели за рубежом // Воля России. 1929. № 10–11 С. 100–118.
8. Ходасевич В.Ф. Литература в изгнании // Возрождение. Париж. 1933. 27 апр. № 2886.
9. Зайцев Б.К. Дневник писателя. Дела литературные // Возрождение. Париж. 1931. 31 дек. № 2403.
10. Зайцев Б.К. Обращение к съезду советских писателей // Русская мысль. 1955. 21 янв. № 730.

«WE ARE ALIVE, WORKING, AND LOVING OUR HOMELAND». THE POLEMIC CONCERNING THE WAYS OF THE SOVIET AND EMIGRANT LITERATURE ON THE PAGES OF THE «WRITER'S DIARY» BY BORIS ZAITSEV

A.M. Lyubomudrov

Abstract. The work concerns the polemic about the development of Russian literature both in Soviet Russia and in exile. Boris Zaitsev's position in this polemic has been determined and most

fully manifested on the pages of his «Writer's Diary». Zaitsev acted as an opponent of Mark Slonim who believed that the literature of the Russian diaspora was failure and close to extinction. In the article it was concluded that Zaitsev's defining criteria for evaluating of the two literatures were the presence of a spiritual constituent as well as freedom for creativity, which is not limited by the state ideology. Based on these criteria, Zaitsev proved the vitality and productivity of emigration literature which grew on the basis of Christian culture – unlike modern Soviet literature which denied God.

Keywords: Boris Zaitsev, Russian emigration, Russian literature, freedom of creativity

ОСОБЕННОСТИ ЭКФРАСИСА В КНИГЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ИТАЛИЯ»

©2021 г.

Н.И. Пак

Музей истории г. Обнинска

Среднерусский гуманитарно-технологический институт

elpis-52@mail.ru

Аннотация. Цель работы – определить особенности экфрасиса в очерках Зайцева. Анализ трёх очерков («Венеция», «Флоренция», «Рим») показал, что в тексте есть экфрасис разного типа: свёрнутый, нулевой, психологический; по носителю изображения – произведения изобразительного искусства, архитектура, декоративно-прикладное искусство, ландшафтный и интерьерный дизайн. Экфрасис играет важную роль в создании целостного образа того или иного города, его особенности обусловлены импрессионистическими началами в творчестве писателя.

Ключевые слова: экфрасис, визуализация, субъективное восприятие, импрессионизм, романтизм.

Находясь на Нижегородской земле, вспомним, что и Б.К. Зайцев в юности своей жил здесь летом, в Балыкове, близ Сарова. Однако русские святыни его тогда не интересовали, о них он будет писать в эмиграции. В очерке «Слово о Родине» об этом сказано прямо: «Мы Россию даже мало знали. <...> Случалось, лучше знали древности, музеи Рима, Флоренции, чем Московский Кремль» [1, с. 5].

В жизни и творчестве Б.К. Зайцева Италия, безусловно, занимает существенное место. Здесь он неоднократно бывал до революции вместе с женой, а в эмиграции им удалось посетить в Риме В.И. Иванова незадолго до смерти поэта. Любовь к этой стране писатель пронёс через всю жизнь, память о ней отражена во многих рассказах и повестях, в романах, включая последнюю тетралогию. В 1923 г. опубликована книга под названием «Италия», в которую вошли очерки, написанные в 1907–1920 гг. Понятно, что в такой книге должны быть описания различных памятников искусства, интересно посмотреть, как делает это писатель, которому П.П. Муратов посвятил знаменитые «Образы Италии».

Три важнейших (по насыщенности памятниками искусства) центра Италии – Венеция, Флоренция, Рим. В такой последовательности они предстают в очерках. А рядом с ними и другие города, у каждого из которых «своё лицо», но остановимся на трёх названных.

Начинается книга очерком о Венеции (1920 г.) поскольку, как замечает автор, именно здесь «впервые слышит путник голос, видит облик, ощущает дух